

ГРАНИЦА

Сергей Извольский

ДИКИЙ МИР
-КОЛОНИСТЫ-

Сергей Извольский

Дикий мир. Колонисты

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8321232
Дикий мир. Колонисты : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-086260-3

Аннотация

Ребята просто сели в поезд.
Один ехал в Сургут, к друзьям. Другой – к своей девушке.
Третьи – пострелять-побегать, на тусовку страйкболистов.
Еще кто-то решил прокатиться «за компанию».
Познакомились, засиделись.
А потом случилось страшное. Все, что было раньше, закончилось.
И поезд приехал... в овраг, глубиной с девятиэтажный дом.
Зима, мороз, снег. Те, кто выжил, – кричат. Кто не кричит, – умер.
Вокруг – неизвестное зверье, неизвестный мир, мутанты...
И люди, которых уже нельзя называть людьми.
А жить-то – хочется.
Придется стрелять...

Содержание

21 апреля, раннее утро	4
23 апреля, раннее утро	9
23 апреля, раннее утро	11
23 апреля, день	15
23 апреля, вечер	20
24 апреля, очень раннее утро	24
24 апреля, раннее утро	34
24 апреля, вечер	48
25 апреля, ночь	51
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Сергей Извольский

Дикий мир. Колонисты

21 апреля, раннее утро
Великопольская волость

Чуть больше двух лет назад у Романа был день рождения. Ему тогда исполнилось девятнадцать. С друзьями на старой шестерке, которая досталась Роме от деда, компания поехала отмечать это дело в соседний райцентр. Зарядка аккумулятора по пути пропала, но не возвращаться же. Не доехали совсем немного – мчавшийся с погасшими фарами автомобиль сбил подгулявшего мужика, возвращавшегося домой из соседней деревни. Мужик был под градусом и шел посередине дороги.

Повезло, что он выжил. Не повезло Роману в том, что сбитый мужик оказался свояком начальнику местного ГАИ, поэтому условным сроком отделаться не получилось. И алкоголь у парня в крови был, так что сел он почти по максимуму.

Первые несколько дней в заключении были очень тяжелыми. Роме казалось, будто вечность прошла, а всего второй день идет. Или третий. Потом стало совсем невыносимо. Время будто остановилось, и каждый день тянулся непередаваемо долго. В первый месяц он постоянно зарекался вести отсчет времени и тут же начинал считать каждый час.

Отбывать наказание ему предстояло чуть меньше трех лет, за вычетом времени, проведенного за решеткой в ходе следствия. На второй день после приговора Рома подсчитал, что сидеть осталось девятьсот двадцать один день. Сколько это часов, вычислить так и не получилось. Калькулятора не было, а при попытке умножения в столбик все время получались разные цифры.

Но человек ко всему привыкает. После нескольких месяцев он уже не каждые пару минут задумывался над тем, сколько ему осталось здесь находиться. Только справился с этим, как появилась еще одна проблема. В самом начале срока засыпалось легко, с мыслями, что часы во сне пролетят незаметно, но с каждым днем по вечерам становилось все тяжелее. Изнутри глодало осознание, как время утекает будто песок. «Юные годы чудесны!» – висел плакат на фасаде его школы. Раньше он на эту надпись внимания не обращал совершенно, а здесь после отбоя эта фраза постоянно всплывала в мыслях. Три года. «Юные годы чудесны!» Были. Целых три года его юности можно вычеркнуть из жизни. Все, юность кончилась.

Шел семьсот семнадцатый день, когда Рому прямо с обеда отвели в здание администрации. Подписывая документы, парень не мог поверить, что его заключение кончилось, – амнистия для него грянула совершенно неожиданно. Последнюю ночь в колонии Рома так и не заснул, с его губ не сходила счастливая улыбка. Он вспоминал, как брякнул «На волю!», когда ручка вертухая зависла над графой «следует к месту жительства». Хорошо, тот прямо так не записал, потом в жилконторе восстанавливать прописку было бы очень сложно.

«Свобода!» – выдохнул Роман, с самого раннего утра оказавшись за воротами, и, поправив мешок за спиной, глубоко вздохнул, наслаждаясь вкусным воздухом воли.

Позади него были ворота тюрьмы, чуть левее крашенные в серый цвет ворота военной части с красными звездами. Сквозь редкий ельник справа виднелись серые трехэтажные дома, в которых жили семьи военнослужащих и работники исправительного учреждения. Рома подошел к остановке на автобусном кольце и глянул на расписание. В ближайший час автобуса не предвиделось. Ну и ладно, можно прогуляться.

Парень летящей походкой зашагал по лесной дороге. До Великополя тут километров двадцать, и, даже если никто не подкинет, к девяти утра он в любом случае будет там.

Как только Рома вышел на основную дорогу, сразу же увидел людей. Левее перекрестка на обочине стояла небесно-голубая «газель» с желтой полосой по борту. «ВысоцкТрансГаз» – гласила надпись черными буквами по борту машины, а рядом логотип, по типу газовой вышки. У «газели» был поднят капот, и два человека в серой униформе со светоотражающими полосками туда сосредоточенно вглядывались, тихо переговариваясь.

– Ладно, давай толкнем, – громко сказал один из них, постарше, и с громким стуком закрыл капот машины. – Э, вылазьте! – побарабанил он ладонью по стеклу.

Из боковой двери «газели» на воздух с матерками вышли еще два мужика, с заспанными лицами и тоже в униформе.

– Стартер не крутит, давайте толкнем, – сказал им пожилой, собираясь за руль садиться.

Развернувшись, он увидел Рому и даже вздрогнул от неожиданности.

– Ох ты! Парень, ну напугал! Фу, – взялся пожилой за сердце. – И тихо как подошел-то. От хозяина? – переведа дух, спросил он, показывая в сторону колонии.

Рома просто кивнул в ответ.

– Помогите толкнуть, а? – Очередной кивок в ответ, пожилой запрыгнул на водительское место.

Роман подошел в машине и вместе с тремя пассажирами уперся ладонями в задние двери. Грязные – чуть поменяв положение руки, он увидел след от ладони. Стало тесновато, все толкались боками, зато машина легко выкатилась на дорогу, набирая скорость. «Газель» чуть дернулась, когда водитель включил передачу, и тут же ровно затарахтела глушителем. «Или пробит, или уже старый, прогоревший», – подумал Роман. Машина остановилась на обочине, а пожилой высунулся из приоткрытого бокового стекла, глядя на парня.

– Спасибо, земля! Подкинуть тебя? Мы в Великополье едем.

– Да, давайте, – благодарно кивнул Рома.

В машине с расспросами к нему никто не приставал, пассажиры потрепались немного о Людке какой-то и затихли. Роман сел на сиденье у окна, всматриваясь в придорожный пейзаж. Но, кроме обочины и кустов, видно ничего не было, и через минут десять он уже задремал.

Проснулся Рома от того, что голову, свесившуюся на грудь, мотало и пару раз чувствительно стукнуло об стекло. Открыв глаза, парень сначала не понял, где находится. Несколько секунд ему потребовалось, чтобы вспомнить, как он оказался в машине. Почувствовав, что, пока спал, слюней напускал, Рома поспешно вытер лицо и, протерев глаза, уставился в окно. Газель ехала по лесной дороге, валко преодолевая пологие неровности.

– Евгений, смотри, проснулся, – сказал один из пассажиров другому.

Пассажир, названный Евгением, коротко глянул на Рому и кивнул, отвернувшись. Роману стало не по себе – голос, произнесший фразу, был совершенно лишен эмоциональной окраски. Разительно отличаясь от того голоса, которым этот пассажир совершенно недавно обсуждал Людку. Чувствуя неладное, Роман открыл рот, чтобы спросить, куда его везут.

– Дорога закрыта, в объезд едем. Мост через Сурь-Змеиную ремонтируют, – заговорил водитель, глянув на него в зеркало заднего вида.

Роман успокоился, и охватившая его тревога показалась сущей ерундой. С чего он так разволновался? Голос, видите ли, ему бесцветным почудился... Злясь на самого себя, Рома даже отогнал мысли о том, что водитель назвал речку Сурь-Змеиной, хотя в округе ее никто кроме как Змейкой не называл. Из Высоцка люди все же.

Роман вновь прислонился к стеклу, попытавшись заснуть, но уже не получалось. Машину здорово раскачивало, и стоило усилий держать голову прямо, чтобы не биться лбом

в стекло. Но вскоре, когда в окне мелькнуло ограждение из колючей проволоки, парень опять забеспокоился. Привстав, он увидел, что дорога уперлась в высокие ворота со звездами. Машина притормозила рядом, а створки уже плавно открывались.

– Мы куда приехали? – вставая, громко спросил Роман, опять почувствовав неладное.

– Тихо, тихо, – сидящий рядом Евгений похлопал его по плечу и потянул вниз за рукав.

Сказано это было с некоторой ленцой и чувством бесспорного превосходства. Так рыбак удовлетворенно трепещущую рыбу успокаивает, которую только что на землю рядом с собой кинул. Романа будто ледяной водой окатило, и внутри появилось очень нехорошее предчувствие.

Надо что-то делать, подумал он. Может, стекло разбить? Поздно – машина уже на территорию заехала. Роман в панике замотал головой, но, заметив, что двое пассажиров за ним наблюдают, сел спокойно. Наблюдали мужики хоть и без особого напряжения, но цепко.

– Давай выходи, – сказал ему Евгений.

Роман медленно встал с места, собираясь выходить на улицу. Только дверь откроется, надо сразу стартовать вправо и через забор перепрыгивать, решил парень.

– Стой! – тронул за рукав его сосед. – Спокойно, не бегаем, ясно?

Лицо у него было как маска. Роман промедлил с ответом лишь мгновение, и тут же бок взорвала дикая боль. Парень вскрикнул от неожиданности и упал на колени, постанывая от боли.

– Э, э! Накидаешь тут, я тебе ноги вырву! – раздался разительно изменившийся голос водителя.

– Тебе ясно? – вновь спросил сосед Рому.

– Ясно, – с трудом выговорил он и не удержался от стона.

Вроде ткнул его этот урод и не очень сильно, но не вздохнуть даже. С усилием Рома поднялся и вышел из машины, кривясь от боли. Прямо стоять он не мог, держался за бок, согнувшись. Было очень больно, и дышать тяжело. Надо быстрее в себя прийти и бежать, бежать отсюда.

– Пошел, – толкнули парня в спину, и Рома заковылял в указанном направлении. Старался идти не очень быстро, пытался восстановить дыхание. Что тут происходит, он не понимал, но очень хотелось скорее подальше оказаться. Тут же вспомнил, что мешок с вещами в машине остался. Да и черт с ним, с мешком, самому бы отсюда ноги сделать.

К широкому крыльцу главного здания они подошли как раз тогда, когда из высоких стеклянных дверей вышла приметная делегация. Двое серьезных мужчин в костюмах при галстуках, статная женщина и несколько бойцов во всем черном, в больших шлемах со стеклянными забралами, бронжилетах и с оружием в руках.

– Это еще что за покемоны? – на ходу прокомментировал появление компании на крыльце пожилой водитель.

– Саныч, смотри какие парни серьезные, у них «спецназ» на спине написано.

– О, Евгений, глянь, у того, слева, забрало с тонировкой! С югов к нам сюда, – бросил еще один из пассажиров «газели».

В обсуждении «газовиками» находившихся на крыльце людей слышалась явная издевка – Рома обратил на это внимание даже полностью погруженный в мысли о побеге. Вся компания на крыльце между тем пристально наблюдала за приближением «газовой» бригады. Подойдя к самым ступеням, конвоиры Романа остановились, встал и он. И тут же встrepенулcя, так как разговор о нем зашел.

– Это кто, Давид Яковлевич? – показав пальцем на Рому, спросил высокий мужчина в костюме, с зачесанными назад волосами.

«Колхоз какой, пальцем неприлично показывать», – раздался рядом тихий комментарий от пожилого Саныча.

Не совсем тихий все же для того, чтобы тип с набриолиненными волосами не услышал. У него после фразы водителя дернулась щека и лицо пошло красными пятнами, но другой реакции не последовало. Сделав вид, будто не слышал, тип вопросительно повернулся к стоящему рядом чернявому мужчине.

– Это, Михаил Юрьевич, наша работа, – вкрадчиво ответил ему на взгляд тот, с каменным лицом смотря вдаль.

– Давид Яковлевич, попрошу вас, изъяснитесь проще. Мне ваши идиоматические изыски не всегда понятны, – смотря свысока, с выражением превосходства спросил высокий.

Мужчина, названный Давидом Яковлевичем, на миг бросил полный неприязни взгляд на собеседника, глубоко вдохнул и спокойным голосом заговорил, отвернувшись. Хотя заметно было, что спокойствие деланое:

– Михаил Юрьевич, не сочтите за труд, проведите логическую цепочку между появлением стороннего человека под охраной на территории нашего Центра с теми задачами, над которыми мы работаем, – Давид Яковлевич на собеседника даже не глянул, все так же смотрел вдаль поверх голов. Было впечатление, что он смертельно устал от общества высокого типа, что и старался показать.

«Мало того что колхоз, еще и тупой», – опять прокомментировал пожилой водитель. Несколько его спутников за спиной Романа хмыкнули.

– Имейте в виду, Давид... Яковлевич, – ледяным голосом сказал высокий, лицо которого стало уже полностью красным, – я приложу все усилия и использую все средства, чтобы после начала работы проекта в новом месте вы оказались за его бортом. А сейчас объясните мне, почему вы продолжаете работу, если еще вчера должны были начать приготовления к свертыванию проекта?

– Михаил... Юрьевич, я занимаюсь по плану, утвержденному кураторами, и никаких иных распоряжений вплоть до сегодняшнего утра не получал. Телефон у вас есть, и, почему у нас продолжается работа, можете попробовать спросить у своего непосредственного руководителя.

– Нет, давайте без воды... – повышенным тоном начал было вопрошать высокий, но его неожиданно перебила женщина.

– Миша, прекрати, а? Достало уже, – резким голосом произнесла она и повернулась ко второму: – Давид, что с материалом делать планируете?

Лицо Михаила Юрьевича покраснело еще сильнее, хотя, казалось бы, уже некуда. Он, не находя слов в ответ, всмотрелся в спутницу, раздувая ноздри. Посмотрел на нее и Рома. Выше среднего роста, в строгом деловом костюме. Длинные обесцвеченные волосы стянуты в тугий хвост, что совсем не идет к ее широкому лицу, да еще и с лоснящейся кожей. Видно, внешняя привлекательность далеко не первый ее приоритет.

– Мое мнение, готовый надо ликвидировать, слишком велики риски при транспортировке. Но окончательные решения ведь не я принимаю, – показалось, что с женщиной Давид Яковлевич разговаривает с большей охотой и без того небрежения, как с высоким.

– А с этим что? – показала женщина на Романа.

У парня даже дыхание перехватило, когда он понял, что, говоря про материал, подразумевали и его. Сердце забилось с невиданной частотой, прыгая у горла.

– За ворота и пня дать, – вдруг негромко произнес один из бойцов в черной форме, – пусть идет.

Губы у Ромы предательски задрожали, когда его окатило волной надежды.

– Тимофеев, беседы вел какие с ним? – спросил чернявый у пожилого водителя.

– Никак нет, – ответил тот, пожав плечами.

– Не вижу препятствий, – посмотрел Давид Яковлевич поочередно на женщину и на бойца в черном, – видеть он ничего не видел, через несколько дней тут ровное место будет. А Тимофеев его сейчас зарядит, он и вспоминать бояться будет о сегодняшнем дне.

При этих словах Рома заликовал. «Отпустят! Отпустят!» – крутилось одно слово в мыслях. Опять пришлось кусать губы, чтобы произвольную улыбку сдержать.

– Здесь есть еще кто, из готовых... пациентов? – вновь спросила женщина.

– Да, трое. В Ягодное сегодня должны были перевозить, вместе с этим, – указал кивком Давид Яковлевич на дрожащего от переживаний парня.

– О'кей. Давайте его в работу, я давно хотела на сам процесс посмотреть. Перевезете четверых по плану сегодня.

При этих словах Роман почувствовал себя рыбой, которую с силой швырнули на землю. Издав нечто похожее на всхлип, он попытался закричать, но еще один резкий удар под ребра заставил его согнуться. Было настолько больно, что он даже застонать не смог, беззвучно хватая ртом воздух.

– Резка баба-то, а? – тихо прокомментировал Евгений.

– Тихо, тихо, это тебе не этот хмырь, – так же негромко осадил его Тимофеев.

Рома пришел в себя уже в здании, в помещении с обшитыми блестящим металлом стенами и потолком. Позади парня находился белый аппарат, похожий на рентгеновский, только значительно больше. По одной из стен тянулось панорамное окно, через которое было видно пустое помещение с множеством моргающих разноцветными лампочками датчиков и развешанными по стене информационными досками. Осматриваясь, Роман понял, что сейчас последний шанс, и дернулся, пытаясь ударить своего конвоира. Но опять последовал сильный тычок в бок, и парня вновь скрутило от боли.

– Какой, а? – покачал головой осуждающе Евгений. – Давай раздевайся. Да не бойся, насиловать я тебя не буду, – проговорил он, глядя на скрючившегося на полу парня.

Раздеваться Рома поначалу не желал, и Евгению пришлось его поугаваривать. Впрочем, угаваривал недолго – через несколько минут полностью голый Роман, поставленный в центре комнаты, был практически распят на хитрой системе креплений. С придвинутого к нему аппарата свисала куча проводов с клеммами, прозрачные капельницы с иглами, отдельно висели белые зажимы для рук и ног, к которым шланги и провода крепились.

– Давай, земля, жди, – похлопал его по плечу Евгений, – только не обоссись пока со страху. Сейчас к тебе придут, подключат, тогда и помочиться сможешь, все предусмотрено, – хмыкнул он, приподняв один из шлангов с характерного вида насадкой.

– А, да! – Уже направившись к выходу, хлопнул он себя по лбу, будто вспомнив что-то очень важное. – Особо не бойся. От процедур еще почти никто не умирал, – еще раз потрепал он парня по плечу.

– Меня... меня же искать будут, – выдохнул Роман.

– Тебя? Да никто тебя искать не будет. Справку о смерти в загс как раз мне везти надо.

– Чь... чьей смерти? – с трудом из-за мгновенно пересохшего горла спросил Рома.

– Твоей, чьей же еще? По документам ты умер уже полчаса как, – даже бросил взгляд на часы Евгений.

23 апреля, раннее утро

Старцев Александр, Санкт-Петербург

Первое время, когда вещь только куплена, стараюсь относиться к ней очень бережно. Это касается всего, будь то машина, ноутбук, ботинки или даже разные мелочи наподобие фонариков. Арафатку, к примеру, еще в конце зимы купил, так первое время даже в шкаф на полку убирал, аккуратно складывая. Сейчас же, по прошествии нескольких месяцев, она лежит в рюкзаке довольно небрежно скомканная. Рюкзак, наоборот, аккуратно придерживаю, поставив на поребрик, пытаюсь поймать машину в столь ранний час.

Стоя сейчас на остановке с поднятой рукой в ожидании машины, я предвкушал, как уже совсем скоро буду ехать в поезде в Москву, а оттуда в Сургут, к своему другу и однокласснику, которого не видел несколько лет, после того как тот ушел в армию. Пару последних дней я не вылезал из дебрей туристических форумов, изыскивая информацию о снаряжении – друг меня на охоту пригласил. Так как за последние несколько лет, кроме Турции и Египта, у меня отдыха не было, а походы в юности если и вспоминать, то только в качестве пособия «как не надо ходить в походы», пришлось в авральном режиме узнавать многие вещи и покупать себе одежду с нуля – ботинки, энцефалитку, термобелье.

Подумав о предстоящем отдыхе, еще раз покосился вниз, на рюкзак. Восьмидесятилитровый, с запасом. Приобрел я его, наверно, оттого, что, во-первых, он гордо назывался «рейдовый», а еще потому, что между двумя боковыми клапанами очень удобно носить заряды от РПГ. Эта деталь после прочитанной в Интернете информации накрепко запала в память и оказалась решающей, когда в магазине я мучился сомнениями по поводу выбора. Где и как буду носить эти заряды, не думал. Да и не особо представляю даже, как они выглядят, зато звучит круто и брутально.

Боковые клапаны, кстати, мешались, когда закидывал рюкзак на заднее сиденье пойманного частника. Дедушка водитель только покосился на меня, но был на удивление молчалив и вопросами не донимал, всю дорогу мусоля папиросу. Я же смотрел в окно, распираемый радостным возбуждением, – люблю уезжать из города, оставляя здесь все проблемы. Вроде и маршрут привычный, и проезжал уже здесь сотни раз, а все равно по-новому в окно смотришь.

Слева мелькнул Ладожский вокзал, потом сверкающий гипермаркет О'кей, а, пересекая Шаумяна, дед прибавил скорость, увидев впереди мигающий зеленый. Когда вылетели на перекресток, горел уже желтый, и буквально через секунду справа я увидел свет фар, почти сразу услышав дикий визг тормозов. Зажмурился в испуге, но удара не почувствовал – летевший нам в бок автомобиль отвернул в последнюю секунду.

Я шумно выдохнул и выругался облегченно. Но, обернувшись, понял, что ничего еще не закончилось, – оттормозившийся автомобиль сдал задом, развернулся и помчал за нами. Стало неудобно. Не страшно, а именно неудобно, потому что, если на деда сейчас начнут наезжать, рядом сидеть и ничего не делать я не смогу. С другой стороны, из-за этого дурака, который только что меня чуть не угробил, получать по лицу совсем не хочется.

Я коротко глянул на него – дед все так же мусолил папиросу, подъезжая к мосту, но выглядел немного растерянно и, когда нас обогнал черный универсал, затормозил. Из машины вылетел молодой парень, из пассажирской двери вышел второй, но к машине не пошел. Водитель иномарки подбежал к машине, сильно похлопал ладонью по капоту, но, увидев деда, остановился.

– Ну... ты, дедушка, голова седая, а ни ума, ни фантазии... – выдохнув, произнес парень – широкоплечий светловолосый крепыш.

– Чего, не ара-мобиль, что ли? – подошел между тем второй. – И драться даже не будем?

– Да не, вон божий одуван сидит... Слышь, дед, сам-то пожил уже небось, может, другим дашь? – продолжил первый. – Всего-то самую малость надо, на красный не ездить!

– Неправ я, извините, – тихим голосом произнес дед.

Водитель универсала только вздохнул и махнул рукой, разворачиваясь к своей машине. Второй парень двинулся за ним. Хлопнули двери, и, коротко взвизгнув покрывками, машина умчалась, развернувшись прямо на мосту. Дедушка постоял чуть, засмолил новую папиросу и медленно поехал.

Уже выехав на Невский, на одном из светофоров, я исподлобья бросил взгляд на деда, тихонько цыкнув. Но он все же услышал, успел поймать мой взгляд. Зажегся зеленый, дед тихо и аккуратно тронулся.

– Да знаю я все, давно бы уже в деревню уехал да и помер там по-тихому... – услышал я его бесконечно усталый голос.

Он замолчал, а я удивленно чуть повернул голову и смотрел на него, ожидая продолжения.

– Дочь у меня с идиотом своим квартиру в ипотеку купили, а того с работы турнули за пьянку, второй месяц уже устроиться никуда не может. А где устроится, там зарплату не платят. Денег у них нет, ребенка кормить нечем, вот и приходится бомбить... Помогаю, чем могу. Ты извини, если что... – Мы подъехали к вокзалу, и дед замолчал, снова принявшись мусолить свою папиросу, отвернувшись в окно.

Вот блин, зачем я цыкал? Лучше бы молчал – теперь этого деда с его проблемами долго вспоминать буду. Выходя, сунул ему пятьсот рублей вместо оговоренных двухсот и, не реагируя на крики про сдачу, пошагал к зданию вокзала. Пока шел, поживался от утренней прохладцы. Да и не только, и от жизни этой... многогранной – пришло внезапно на ум определение.

23 апреля, раннее утро

Ермаков Станислав, Санкт-Петербург

Прощальный поцелуй был долгим, пьяным и слюнявым. «Пока, сладкий», – шепнула соседка по общежитию, а после скрылась за дверь своей комнаты.

Стас постоял немного, покачиваясь и глядя в потертый дермати́н двери. Через полминуты понял, что все закончилось, и пошел по коридору в сторону кухни. На столе, накрытом в честь дня рождения одного из соседей, еще остались неубранные следы вчерашнего застолья – почти с утра гужбанили. Пустые бутылки, ежики полных с горкой пепельниц, грязные тарелки с обветрившимися остатками салатов.

Парень схватился за несколько пачек сока, потряс. Все пустые. Не чувствуя особых угрызений совести, открыл холодильник соседки и выхлебал остатки минералки из стоявшей там бутылки. Колочие струйки воды стекали по подбородку, попадая на грудь. Жажда не прошла, в холодильнике больше ничего не было из жидкости, поэтому Стас включил воду и набрал себе целый стакан через фильтр. Потом еще один. Чуть полегчало.

Заскочив в душевую, он минут десять стоял, переключая воду от ледяной до обжигающе горячей. Сейчас, почти ночью, напор воды был хороший, не как днем – невнятная струйка, которой умыться и то сложно.

Шлепая ногами в тапках, которые ни шагу назад, и оставляя мокрые следы на линолеуме, проходя мимо двери двадцать шестой комнаты, Стас выругался негромко. Будто вживую ему представилось, как его девушка ее вчера открывала в поисках. Его бывшая девушка – скривился Стас. Потом махнул рукой – да по фигу. Все только начинается, да и вообще, пусть лучше утром стыдно, чем вечером грустно. Но мантры действовать не хотели, внутри было пусто и погано. Не, не стыдно – обидно просто так по-глупому спалиться.

Стас зашел к себе в комнату, достал из шкафа полотенце, обтерся. Подошел к зеркалу, взъерошив мокрые волосы. Слово «кобель» было самым приличным из послания, написанного помадой. Блин.

Парень скривился – не, ну кобель, ну пусть даже урод и далее по тексту, ладно. Но сама-то о чем думала, когда спать пошла, оставляя его наедине с двумя симпатичными соседками, одна из которых без парня уже несколько месяцев, а у второй муж на заработки умчал?

«Папамушта на десять девчооо-нок, по статистике, десять ребят!» – нещадно фальшивя, пропел Стас.

Он приоткрыл окно, сел на подоконник и закурил. Выпустил дым в потолок – теперь можно. Вот и отпуск начался, вдруг пришла в голову ему мысль. Стас неприязненно посмотрел на стенку, за которой находилась как раз та комната, в которой его вчера и обнаружили. Как бы еще соседка не надумала, что себе парня нашла.

Ведь после разоблачения культурная программа не закончилась... Стас скривился – и отшивать впрямую неохота, все-таки за стенкой живет.

– Ладно, что-нибудь придумаю, – махнул он рукой, с удивлением прислушавшись к своему голосу.

«Может, позвонить кому? А то я не сплю, а все харю плющат», – мелькнула у него мысль. Кивнув столь замечательной идее, Стас спрыгнул за трубкой и, прикуривая вторую сигарету, начал смотреть телефонную книгу.

Так, у Сереги ребенок, у Костика тоже, у Лысого девка такая, что ему потом на мозг будет капать, ну его. Старым подругам тоже звонить не фонтан, вдруг с кем-то ночуют, а тут подстава такая. О! Дим-Дим.

«Ну-ка просыпайся, гадкий мальчишка», – в принятой среди своих друзей шуточной манере общения приговаривал Стас, набирая номер.

– Ты ведь уже не спишь? – почти сразу же услышав привычное «Че?», спросил он.

– Да я давно не сплю, – судя по голосу, сна у Дима ни в одном глазу.

– На работе?

– Не, в жопу работу, больничный взял.

– А чего так?

– Да я в ОМОН перевестись хотел, а мне неполное влепили, прикинь? Уроды, я по-человечески к ним, а мне теперь год никуда не деться. Так что они идут лесом, а я иду на больничный. Типа руку сломал.

– Вот ты махинатор. Ладно, не плачь, май дия френд, сейчас что делаешь?

– Еду.

– Вот ты трудный. Куда едешь?

– В Киров.

– На кой тебе туда?

– К сестре в гости, у нее там с мужем мутки какие-то.

– Что за мутки?

– Да так... Фигня.

– А Киров это где?

– В России.

– Дим, епть, не беси меня. Далеко?

– Слушай, ну около суток ехать, может, побольше чуть.

– Далеко уже ехал?

– Относительно.

– Блин... – сделал Стас паузу, сдерживаясь, чтобы не выругаться. – Дим, я тебя увижу, лицо обглодаю. Конкретнее можно?

– Да вот по Народной на Мурманку выезжаю.

– Нормально. Выезжай на кольцо, спускайся на Колтушское и через Ржевочку ко мне.

Я с тобой еду.

– В смысле? У тебя же...

– Не тормози. Давай подъезжай, я пока соберусь.

– Ладно, еду.

Вот Дим молодец какой, ничего спрашивать не стал, сразу поехал, подумал Стас, потирая руки. Ведь как чувствовал, что позвонить кому-нибудь надо! Вот сейчас дня на три минимум из города уехать, телефон выключить, и пусть все обзвонятся. И соседка одумается, если замыслила что.

Стас, похвалив себя, кинулся бегом собираться. Много брать не стал – пару футболок, белье, носки, мыльно рыльное, рубашку, брюки да туфли цивильные, мало ли в ресторацию куда идти. Сам же оделся, как говорится, и в пир, и в мир – штаны плотные, трекинги, свитер черный и куртка сверху, которая такого фасона, что в ней хоть на сноуборде кататься, что под костюм надевать.

Стас опять уселся на подоконнике и прикурил уже третью сигарету за последние пятнадцать минут. Даже в горле запершило. Не успел выкурить и половины, как послышался скрип тормозов. Появившийся в дальнем конце двора Дим-Димов «лачетти» взревел мотором и, пролетев метров десять вдоль забора детского садика, опять завизжал колодками перед лежащим полицейским. Дим остановил машину прямо под окном и вышел, громко хлопнув дверью. Глянув на Стаса, он повел широкими плечами, тоже прикурил сигарету и только потом заговорил:

– А чего сидим? – Голос Дима в утренней тишине прозвучал неожиданно громко и звонко.

– Чтоб ты увидел и не звонил мне, спрашивая, где я. Вдруг волноваться будешь.

– И?... – Дим зевнул и провел рукой по своему светлому ежику волос.

– Да все, выхожу, – щелчком отправив окурок далеко в полет, Стас легко спрыгнул на пол. Выдернул все провода из розеток, схватил сумку, осмотрелся на прощание и выбежал из комнаты.

– А колодки у тебя говно и визжат совсем как на «жигулях», – радостно сообщил он Дим-Диму, когда парни уже выезжали со двора.

– Да в сервисе ТО делал, не сказал, какие ставить. Вот и поставили. Ты лучше скажи, почему со мной ехать решил? – пристально посмотрел Дим своими широко расставленными глазами.

– Погодь, у павильона вон тормозни, – как только «лачетти» остановился, Стас выскочил и в темпе купил у знакомой продавщицы две бутылки пива. Потом подумал и купил еще две.

– Как раз я пока пива попью, посплю после, все выветрится, и в ночь я порулю, о'кей? – оправдательным тоном спросил он у Дима, хлопая дверью.

– Будешь ссать проситься, останавливаться не буду, – хмуро глянув, как устраиваются бутылки в пакете за сиденьем, сказал Дим-Дим.

– А чай «Нести» у тебя есть?

– Не, минералка только, а что?

– Плохо. У бутылок с этим чаем горлышко широкое, удобное. А после третьей бутылки я вряд ли целко в узкие горлышки попадать буду...

– Вот ты засранец... – не удержался и улыбнулся Дим.

– Да вот какой есть, – ответил Стас и кратко рассказал ему историю вчерашнего вечера.

– Слышь, Стас, – отсмеявшись, начал Дим, – есть такой енот полоскун, так вот ты по ходу енот потаскун...

– Да ладно тебе. Не, ну а чего они?

«Лачетти» между тем уже с пологим креном въехал в поворот на Новочеркасском перед метро. Метров за тридцать до перекрестка на светофоре загорелся красно-желтый, и Дим, до этого скинувший на нейтралку, переключил скорость, прибавив газу. Стас еще обратил внимание, что он руку как-то неправильно изгибает и держится за сам рычаг, а не за набалдашник. Вот понты-то. Хотел подколоть друга, но не успел – вылетали на перекресток уже на зеленый, и тут прямо перед нами появился автомобиль. Под визг тормозов и мат Дима Стас вжался в сиденье, ногами упершись в пол, но удара не последовало. «Лачетти», прочертив резиной, встал боком и, качнувшись последний раз, застыл.

– Вон он, поехали догоним! – ткнул Стас в сторону неспешно удаляющегося авто.

Дим развернулся на встречке и уже на мосту догнал уезжавший рыдван. Выскочив из машины, он кинулся к водительской двери, постучал по машине. Стас, не торопясь, вышел следом, сжимая в кармане куртки травмат – мало ли что, может, там целый табор? Дим-Дим между тем разборки не начинал, успокоившись. Стас подошел поближе.

– Чего, не ара-мобиль, что ли? И драться даже не будем?

– Да не, вон божий одуван сидит... Слышь, дед, сам-то пожил уже небось, может, другим дашь? – обратился к водителю Дим. – Всего-то самую малость надо, на красный не ездить! – Тут и Стас увидел деда за рулем.

Действительно божий одуван. На пассажирском сиденье рыдвана кто-то сидел – дед бомбит, наверное. А пару капель-то от страха пассажир точно брызнул, подумал Стас. Да и не среагируй Дим, может, и металл резать бы пришлось. Навидался Стас такого, пока на

эвакуаторе работал. Вспоминая, парень прыгнул вслед за Димом в машину, а тот развернулся прямо на мосту.

– Фига ты перец, за права не страшно? – запоздало удивился Стас резкости друга в вождении.

– У меня и так отобрали, – широко улыбнулся Дим.

– Как так, ты ж мент?

– Да по дурусти – на спецбатальон нарвался, знаешь ты его, который на Красноармейской. Сел, блин, две улицы проехать, идти не мог, так и выпал им под ноги. Теперь полгода без прав.

– Погодь. А едешь тогда как?

– Да у меня времянка левая. Показываю вместе с ксивой, никто ж пробивать не полезет. Если только на тот экипаж не нарвусь, что меня тогда остановил. Но думаю, в Киров они не поедут, – ухмыльнулся Дим-Дим.

– В натуре ты махинатор. Мы, кстати, на Мурманку? Через куда едем? Не в Мурманск случаем?

– Нет, через Вологду. Не совсем через Вологду, конечно, но рядом.

– Ого. И сколько туда?

– Шестьсот примерно. И потом до Кирова еще столько же, если не больше.

– Вау, прикольно. Ну поехали, че, – с хлопком открыл Стас пивную бутылку.

23 апреля, день Старцев Александр, Москва

Перед самой Москвой заснул, так что на перрон вылез взъерошенный и сонный, содрогаясь от озноба. Мерзко, влажно, зябко и противно. Футболка липла к телу, и вообще очень хотелось принять душ. Постоял немного, морщась и пытаюсь полностью проснуться, а после пошел искать Казанский вокзал и поезд на Сургут.

С пересадкой рассчитал на два с лишком часа кантоваться, которые, перекусив, благополучно в зале ожидания с книжкой и просидел. Можно было взять билет так, чтоб полчаса интервала между поездами было, но не люблю все в спешке делать. Да и мало ли, задержка какая минут на двадцать – и плакали билеты. Прямых поездов из Питера в Сургут нет, только через Москву с пересадкой. Можно еще самолетом, но для меня дорого, к тому же летать я побаиваюсь, если честно, поэтому еду по старинке, поездами.

Увлечшись чтением, даже удивился, когда посадку объявили, – так быстро время пролетело.

И опять, уже второй раз за день, я сидел на нижней полке, смотрел в окно и ждал попутчиков, осторожно мечтая о компании приятных во всех отношениях девушек, со стойким чувством дежавю.

– Егор, – внезапно увидел протянутую мне руку.

– Александр, – привстав, машинально представился я.

Парень, устроившийся напротив меня и уже протягивавший мне открытую бутылку пива, за пару секунд успел забросить не очень объемную сумку на верхнюю полку, пригнать на пол звякнувший пакет, поздороваться со мной, скинуть куртку и открыть две принесенные с собой бутылки пива.

Отказываться я не стал и уже прихлебывал пенный напиток, наблюдая, как новый знакомец выставляет батарею пивных бутылок на стол. Вообще, с утра стараюсь не пить, хотя чего это я – время к пяти вечера уже. Все еще ощущение утра, потому что полдня в поезде на массу давил. А пиво, кстати, пошло на удивление замечательно.

– Будем знакомы, – широко улыбнулся Егор.

Настолько располагающе у него это вышло, что я невольно тоже оскалился в ответ.

– Ты откуда? Из Москвы? – Слова он будто выплевывал скороговоркой.

– Нет, из Питера. А ты?

– Из Москвы. А едешь куда?

– В Сургут.

– Прикольнo, я тоже. Ты туристом, да? – Мельком Егор мазнул взглядом по торчащему снизу рюкзаку. – А я к девушке в гости, прикинь? – Отвлечшись, он одним длинным глотком ополовинил бутылку и, сдержав отрыжку, продолжил, – осенью с друзьями на Кипре отдыхали, с девчатами познакомились. Реально притом их у футболистов каких-то типа известных отбили, тоже тот еще прикол, ща расскажу, так, короче, у них там папы все на нефтяной трубе сидят, бабок хоть жопой жуй. Отдохнули классно тогда, да я и забыл уже про это, а тут мне дружок названивает из Сургута, прикинь, он там уже. Вот к себе позвал, сказал, что подруга той, с кем он там отвисает, ну с которой я мутил еще там, на Кипре, она меня, короче, ждет не дождется. Круто, да?

– Вау, – не нашел я ничего лучшего сказать.

Причем это «вау» относилось скорее к манере речи нового знаконца, чем к самой истории. Как пулемет словами шьет.

– А что за футболисты? – с интересом спросил я.